

3) уровень насыщенности, то есть воплощение посредством речевой деятельности всего спектра выразительности средств лексики, фонетики и грамматики;

4) уровень адекватного выбора, иными словами, умение чувствовать и правильно соотносить средства общения исходя из внешней и внутренней структуры коммуникаций;

5) уровень адекватного синтеза, то есть выполненные порожденным личностью текстом смысловых и коммуникативных целей.

По мнению ученых, занимающихся вопросами психолингвистики, каждому человеку присущ совершенно индивидуальный набор психологических характеристик. Это своего рода визитная карточка личности. На особенности общения оказывают влияние возраст, пол, образование, профессия, национальность и многое другое. Принадлежность человека к разным социальным группам, как большим (класс, этнос), там и малым (семья, работа, учеба) существенно отражается на поведении и становлении его речевых способностей в процессе коммуникации. Носитель языка будто фиксирует в себе черты «коллективных языковых личностей». Например, человек одновременно может быть как языковая личность главы семейства, языковая личность врача, языковая личность гражданина какой-либо страны.

В последнее время все больший интерес со стороны ученых вызывает изучение гендерных особенностей в контексте языковой личности. Было установлено, что в речи женщин доминирует экспрессивно окрашенная лексика и диминутивы, а в речи мужчин – грубая, иногда жаргонная лексика. Огромное влияние на формирование языковой личности имеет семья человека, та среда и те отношения, которые являлись приемлемыми для внутрисемейной коммуникации.

Изучением особенностей общения относительно давно были посвящены работы психологов, таких как А.А. Леонтьев, Г.М. Андреева, А.А. Бодалев и других. В языковом общении отражаются все психологические аксиомы в доступном для наблюдения виде, что и представляет особый интерес исследователя.

В ходе ряда эмпирических исследований было установлено, что наиболее яркие личностные характеристики говорящего как полноценного носителя языковой и национальной культуры отражаются посредством речевого диалога. Проблема заключается в том, что данная взаимосвязь практически не изучена и не отражена в современных психологических работах.

Известно, что в реальных речевых коммуникациях имеют место как полные, так и сокращенные формы диалоговой речи, так называемые реплики. С точки зрения психолингвистического анализа они представляют собой своего рода специфическую форму общения, поскольку вне контекста непосредственного диалога реплики часто не имеют определенного смысла, но несут важнейшую социально-психологическую особенность межличностного общения.

Исследователями, занимающимися вопросами психолингвистики, также была выявлено, что, несмотря на разность типов темперамента, мотивации достижения поставленных целей и коммуникативным способностям человека, можно рассмотреть выявление некоторых общих тенденций влияния упомянутых характеристик на особенности использования сокращенных форм речевого диалога в реальной коммуникации. В ходе изучения зависимости установлено, что характеристики речевого поведения сторон диалога осязательно отличаются друг от друга по соотношению семантико-синтаксических типов выска-

зываний и в зависимости от уровня эмоциональной выраженности и комплекса личностных качеств индивида. Результаты корреляционного анализа также выявили внутренние и внешние взаимосвязи между степенью развития языковой культуры и типами монорематических высказываний участников диалога.

Данные проведенного анализа позволяют дать основательное утверждение существования, с одной стороны, определенной зависимости между личностными качествами и характеристиками, мотивацией общения и коммуникативными умениями участников диалога, а с другой стороны, выявления семантико-синтаксических типов сокращений в структуре общения.

Таким образом, результаты исследования языковой личности дают возможность для основания полагать, что определение языковой личности нельзя рассматривать только с точки зрения психологии в целом и психолингвистики в частности; не как один из подходов ее изучения наряду, например, «экономической», «этической», «биологической» личностью, а как полное представление личности во всем многообразии совокупных психической, социальных, моральных, культурных и других элементов, представленных в языковой форме.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2008.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 2003. – 288 с.
4. Агапова С.А. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 288 с.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН

Шерыбай К.Б.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, Казахстан

Наряду с этими экскурсами в историческое прошлое многие писатели в 90-е годы глубоко проникали в автобиографическое. По: кончании немецко-немецкого разделения наблюдался бум мемуарной литературы (в большей или меньшей степени вымышленных биографий), авторы которых заостряли внимание на детстве. Книга детских воспоминаний «Фонтан» (1998) Мартина Вальзера: 1 вое в ал а огромную популярность актуальной постановкой труд- ного соотношения личной и политической истории, действитель- сти и её толкования: «Пока что-то есть, то это не то, что могло Г г: быть. Когда что-то прошло, ты уже более не тот, с кем это случилось. Разумеется, к этому бываешь ближе, чем к другому. Хотя втого в прошлом, когда это было настоящим временем, не было, -: оно теперь навязывается, будто это было, как это сейчас про- Г-зается... Теперь мы говорим, что это было так-то и вот так-то, хотя мы в то время, когда это было, ничего не знали о том, что мы сейчас говорим» [1, с.9].

Роман изображает, таким образом, детство и юность с позиции наблюдателя, у которого одинаковые с М. Вальзером даты жизни и второе имя - Иохан. Напоминающее «Я» пытается снабдить всплывшее в памяти «Я» знанием на данный момент. Итак, М. Вальзер повествует о повседневных заботах и радостях, об извращениях при национал-социалистическом режиме, о преследованиях молодежи и о войне, которая проникает глубоко в детство. Но в соответствии с началом он умалчивает об уничтожении евреев в Аушвице, потому что это не было осознанно

мальчиком. Так, читателю представляется в целом картина счастливого «невинного» детства, что вызвало, порой, ожесточённый спор со стороны литературной критики, требовавшей исторически учающего и отражающего с позиции сегодняшнего дня описание детства - и тем самым чего-то такого, чего как раз не хотелось М. Вальзеру.

Между тем роман Ханса-Ульриха Трайхеля «Потерянный» (1998) повествует о детстве в послевоенной Германии, о последних военных годах. На пути бегства от русских в 1945-м году мать героя от страха передала сына в руки чужой женщины, о чём Х.-У. Трайхель узнал позже. Отталкиваясь от этого, переживая травму детства, Х.-У. Трайхель развивает роман, объединяя две сюжетные линии. В то время как одна линия связана с тем, что отец ведёт процветающую оптовую торговлю мясом на фоне подробной картины немецкого экономического чуда, другая линия посвящается маниакальному поиску пропавшего сына, в ходе которого обнаруживается заголовок с двойным значением: в фокусировании на действительно потерянном ребёнке теряется в метафорическом смысле и «Я» — рассказчик. Когда в конце концов с помощью «Подкидыша 2307» появляется возможность найти сына и брата, роман трансформируется в научную сатиру. Рассказчик попадает, в руки «знатоков расы», составляющих физиономические экспертизы. Они измеряют его череп, чтобы доказать родственные связи между двумя мальчиками. Х.-У. Трайхель рассказывает историю о последствиях изгнания, о вине и стыде оказаться «ошибочным сыном» с лаконичным юмором и при этом высвечивает ярче, чем только автобиографический поиск следов, коллективное сознание западногерманского послевоенного общества.

Арнольд Штадлер описывает в автобиографическом романе-трилогии «Я был однажды» (1989), «Огненная земля» (1992) и «Моя собака, моя свинья, моя жизнь» (1994) детство героя как историю страданий, на которой потери оставили свои отпечатки. Как и Х.-У. Трайхель, А. Штадлер с юмором рисует страшный период времени, четко ориентируясь на творческую манеру Томаса Бернхарда. Первая часть трилогии с налетом горького комизма и меланхолического веселья ставится в местности около городка Месскирха, широкого известного как родина философа Мартина Хайдеггера. Безымянный рассказчик от «Я» (первого лица) пережил своё детство, на которое наложили отпечаток индивидуализм, смерть, католичество и безмолвие в сельской ограниченности[^] от чего он во второй части и пытается бежать. Но даже на Огненной земле, куда он, путешествуя, попадает, находит лишь элементарные образцы опыта провинциального мира: «Всё было иным, совсем, как дома» [2, с. 140]. И в последней части, в Риме, он терпит неудачу при посвящении в священники, не может избежать травматического опыта детства и умирает в одиночестве.

О послевоенном детстве в тягостной сельской атмосфере и в тисках церкви — отец рассказчика является пастором гессенской деревни — идёт речь в автобиографическом рассказе Ф.К. Делиуса «То воскресенье, в которое я стал чемпионом мира» (1994) [3]. Но в противоположность А. Штадлеру Ф.К. Делиус рассказывает не только историю социализации, но и историю освобождения, освобождения под знаком футбола. Затаив дыхание, рассказчик сидел перед радиоприемником и слушал репортаж Герберта Циммермана во время заключительной игры 1954 года: «Мы тоже не хотим в этот момент забывать о том, что это игра, игра, но самая популярная игра, которую только знает мир... Это уже давно не было игрой,

потому что я стал, чего я стыдливо и в тайне желал, чемпионом мира, и я не хотел, чтобы это у меня отняли путем умиротворения» [4, с.115].

В произведении Кристофа Хайна «С самого начала» (1997) повествование идет от лица тринадцатилетнего рассказчика Даниеля. Персонаж, так же, как и автор - сын пастора. Он рассказывает о своей юности в саксонском маленьком городе, об авторитарном отце, о сложностях пубертатного периода, трудностях школьной жизни и проблемах в средней школе, что заставило героя переехать в Западный Берлин. В воспоминаниях это кажется приключением.

На восточногерманское детство без родителей оглядывается Петер Ваверцинек («Ребенок, которым я был», 1994). Заглавие отсылает к романам Уве Жонсона «Дни года» и «Может быть Петер еще зайдёт» (1997). Озорно и с весёлой меланхолией писатель рисует процесс взросления в детских домах Мекленбурга, заставляя политические события отражаться в бессмыслице повседневной жизни, и воспроизводит портреты окружающих людей, которые сталкиваются с трудностями жизни и с политикой северогерманской ограниченности и хладнокровия.

Авторы ряда других произведений используют в качестве персонажей другие лица или их письма, дневники и картины. Они выступают в качестве источников информации и, порой, примиряют противоречия самых разных воспоминаний. В «Письмах Павла» (1999) Моника Марон инициирует воспоминание о том, что героиня находит коробку с письмами и фотографиями своего дедушки, убитого национал-социалистами. Беседуя с матерью Хеллой, она отправляется в своеобразное путешествие по воспоминаниям. Так Марион из вторых рук узнаёт историю своей семьи и своего происхождения, оставаясь всё время лишь слушательницей. Это отчётливо видно, когда появляются расхождения между собственными воспоминаниями и рассказом матери: «Хелла говорит, что я была счастливым ребенком, который много смеялся. А я этого просто не помню. Хелла вспоминает по-другому» [4, с.70]. Из противоречивых воспоминаний матери и дочери постепенно возникает семейный портрет. Выходя за рамки истории конкретной семьи, автор передаёт представления о жизни в ГДР в контексте-личной и всеобщей истории.

Исподволь, постепенно ощутил в себе готовность приблизиться к истории жизни своего брата Уве Тимм в семейной саге «На примере моего брата» (2003). Исходной точкой этой реконструкции является дневник брата о войне, который в 1942-м году добровольно вступил в войска СС, а на следующий год умер в украинском лазарете. В записях он - национал-социалист, которого не шокирует даже расстрел русских пленных. Но, тем не менее, брат остаётся братом. Поэтому моральное осуждение У. Тимм дополняет скорбью о брате, который и после смерти парадоксальным образом присутствует в жизни семьи: «Отсутствуя и всё равно присутствуя, он сопровождал меня на протяжении моего детства, в скорби матери, сомнениях отца, намёках родителей» [5, с. 10]. Рядом с братом, соответственно, находились и родители, и собственная жизнь ав гора-повествователя в фокусе отражения, поэтому произведение У. Тимма воспринималось как примерная семейная картина послевоенного времени.

Семейный роман «Невидимая страна» (2003) Штефана Вак-витца сразу был замечен критикой. В 1993 году неожиданно появляется пропавшая более полувек назад камера. Обнаруженная камера-кодак принадлежит отцу Штефана Вак-витца, который семнадцатилетним юношей в 1939 году должен был

передать её военно-морскому флоту в период мобилизации команды корабля «Адольф Воерман» в Южной Атлантике вскоре после начала Второй мировой войны. Надеждам отца и сына Ваквитц на то, что не проявленная плёнка сохранила негативы, не суждено было сбыться. Тем не менее, эта находка стала отправным пунктом семейного расследования, в итоге которого создается портрет трех поколений. Писатель использует прием монтажа документального и вымышленного.

Критика неоднократно подчеркивала, что этот метод адаптирован В.Г. Зебальдом. В произведениях «Эмигранты» (1992) и «Аустерлиц» (2001) В. Зебальд наглядно демонстрирует, что рамки романа для них недостаточны. Посредством монтажа представленных фотографий и документов с вымышленными пассажирами В. Зебальд достигает того, что чрезвычайно загруженные автобио - графии отражают историю целой эпохи.

В заключение следует назвать книгу воспоминаний Гюнтера I расса «Мой век» (1999), которая соединяет в единое воссозданную разными способами немецкую историю- личную и общую. В с I коротких историях с постоянно меняющимися персонажами Г.Грасс рассматривает «свой» век, при этом пережитое соседствует с вымыслом, серьезное – с комическим.

Научный руководитель - Балтабаева Г.С., д.ф.н., профессор

Список литературы

1. Мартин Вальзер. Фонтан. - Франкфурт-на-Майне, 1998.
2. Арнольд Штатлер. Огненная земля. - Зальцбург, 1992.
3. Ф.К. Делиус. То воскресенье, в которое я стал чемпионом мира. - Райнбек близ Гамбурга, 1994.
4. Моника Марон. Письма Павла. — Франкфурт-на-Майне, 1999.
5. Уве Гимм. На примере моего брата. - Кёльн, 2003.

**Секция «Актуальные вопросы филологии и переводоведения»,
научный руководитель – Малышева Н.В., канд. филол. наук**

**АДАПТАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЕРИАЛОВ НА
РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ**

Анкудинова М., Малышева Н.В.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

В последние годы на отечественном телевидении появилось множество адаптированных сериалов и программ, оригинальные источники которых завоевали популярность в своих странах. Комедийные и драматические сериалы, развлекательные передачи, ток-шоу, реалити-шоу – различные по жанру и содержанию – они нашли место в эфире российского телевидения. Страны-источники для адаптаций и их жители являются носителями других культур, имеющих свой собственный период исторического развития, отличное от нас становление религий и права, опыт жизни в совсем других реалиях и т.д. Следовательно, и их телевизионные продукты наполнены непривычным и не актуальным для нас содержанием. Это затрудняет процесс адаптации. К примеру, в случае адаптации сериала, создателям адаптированного продукта недостаточно просто выполнить перевод диалогов и дать персонажам новые имена, необходимо также рассмотреть проблематику каждого героя и сделать его понятным для российского потребителя. Это также касается и сюжетных линий как сериала в целом, так и его отдельных эпизодов. Например, героиня американской версии сериала «Моя прекрасная няня» была еврейкой, при адаптации этой реалии, создатели российской версии сделали героиню украинкой, что позволило им подменить реалии, сделав их актуальными для России. Подмена реалий, подбор их функциональных аналогов являются основными частями процесса адаптации, поскольку при создании телевизионного продукта одна из установок состоит в нахождении аудитории российских зрителей [1, 54], и в случае, если при просмотре люди не смогут понять шутки, идеи эпизодов и концепции персонажей, интерес к данному продукту может не возникнуть.

Список литературы

1. Шушарина Г.А. Способы формирования региональной идентичности в дискурсе местных СМИ // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. - №2 (14). – С.51-55

**ЖАНРОВЫЕ МОДЕЛИ КАК СПОСОБ АНАЛИЗА
ТЕКСТОВ**

Белимова А.Д., Шушарина Г.А.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

Критерии исследования речевых жанров могут быть систематизированы в модели. При этом создание универсальной модели исследования практически невозможно. В связи с наличием огромного количества жанров и серьезных различий между большинством из них, универсальная модель не сможет объединить в себе критерии, учитывающие все лингвистические факторы. Поэтому существующие модели функционируют в пределах жанровых систем отдельных сфер коммуникации. Многие лингвисты предлагают свои модели исследования речевых жанров. Например, Анна Вежбицка предлагает исследовать речевые жанры, «опираясь в анализе на элементарные иллюкутивные компоненты, соответствующие простым ментальным актам говорящих людей». Т.В. Шмелева выделяет семь критериев характеристики речевого жанра: информативные, императивные, этикетные, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное (событийное) содержание и параметр языкового воплощения.

М.М. Бахтин, внесший огромный вклад в развитие теории речевых жанров, в своей работе «Проблема речевых жанров» выделяет два ведущих компонента исследования: композицию и стиль. «Говорящий с его мировоззрением, с его оценками и эмоциями с одной стороны и предмет его речи и система языка (языковых средств) — с другой — вот и все, чем определяется высказывание, его стиль и его композиция».

Таким образом, существуют различные модели исследования речевого жанра. Но они не могут обеспечить полный анализ любых текстов. Поэтому каждому жанру или группе жанров должна соответствовать собственная модель. Автор выбирает и перераспределяет элементы окружающего мира в соответствии с собственным творческим замыслом [1].

Список литературы

1. Клейменова В.Ю. Фикциональный мир волшебной литературной сказки как возможный мир // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, № IV – 2(12), 2012. С. 56-60.